

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЦЕЯКОВО

№ 440

14 апреля 2019 г.

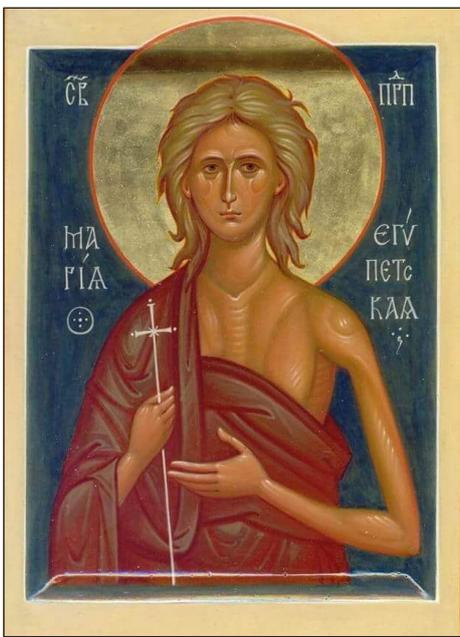
Вчера, братие, еще раз внимали мы призыву святой Церкви к покаянию, слушая в последний раз песнь: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!», и изображению в церковных песнопениях высочайшего покаянного подвига преподобной Марии Египетской.

Но как внимали? Некоторые с легкомыслием, иные даже как бы с осмеянием, немногие, по-видимому, так, как хотела бы сама святая Церковь.

Что же? Неужели время для покаяния уже прошло? Неужели люди нынешнего времени во всем правы пред Богом и не имеют нужды в покаянии? Неужели нынешние христиане исполнили все свои обязанности по отношению к Христу, своему Искупителю?

Увы! Быть может, не потому ли прошло для многих время покаяния, что настало уже для них время суда, что сделались они неспособными внимать внушениям благодати Божией, непрестанно обращающей к ним призыв: «Днесь, Аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже (сыны Израилевы) в прогневании (Бога), во дни искушения (Его) в пустыни» (Евр. 3, 7–8; Пс. 94, 7–8)?

И подлинно, не наступает ли время суда для современного мира, который в лице многих людей ниспровергает теперь открыто все заповеди Божии? Так, одна из заповедей запрещает самое страшное преступление человекоубийство; ныне же многие люди считают вполне дозволительным и достойным похвалы делом убийство людей, им ненавистных, принадлежащих к иной партии; и вот они запятнали лице земли множеством зверских и жестоких убийств, в том числе, может быть, убийств людей, святых пред Богом, по слову тайнозрителя, упоили землю «кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых» (Откр. 17, 6). Другая заповедь говорит: «Не прелюбы сотвори» (Исх. 20:14); люди же нынешнего времени все более и более стремятся разорвать узы установленного Богом брака, ограждающего целомудрие, проповедуют, даже устами подростков, совершенно свободную любовь, забывая слова Христовы: «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их... что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 4–6). Еще иная заповедь говорит: «Не укради» (Исх. 20:15); люди же нынешнего времени постоянно занимаются воровством, грабежами, казнокрадством, считая это делом вполне правым и дозволительным, лишь бы совершалось оно во имя так называемого освободительного движения (не бюрократами, а революционерами и им подобными людьми). Затем запо-

ведь говорит: «Не лжесвидетельствуй» (Исх. 20:16), люди же настоящего времени непрестанно (в газете и прокламации) пятнают злонамеренной клеветой людей честных, держащихся иных убеждений. Еще одна заповедь запрещает желать чужого, а люди нынешнего времени не только желают, но и отнимают чужое: обладающие меньшими правами непрестанно завидуют и отнимают права у высших, бедные завидуют и отнимают достояние у богатых. Заповедью внушается почитать родителей; но нынешним ли, исполненным чрезмерной гордости людям говорить о почтении к родителям? «За что почитать их?» слышим возгласы отовсюду.

«Сердца детей» не только не «обращены к отцам» (Мал. 4, 6) в наши дни, но скорее отвратились от отцов и матерей, так как слезы их перестали трогать многих детей.

Если так пренебрегается и сознательно отвергается людьми нынешнего века заповедь о любви к ближним, то что сказать о заповедях, напоминающих о долге любви к Богу? Об этой любви многие люди не только забыли, но дошли до крайнего богохульства: вместо того, чтобы воссылать Богу словами песни хваления, они (например, социал-демократы) оскверняют уста свои пением песен, содержащих проклятие Богу: «Проклятие Богу, пред Кем мы с мольбою склоняемся в холод и голод зимою: напрасно мы ждали, надежды полны; Он нас обманул, одураченны мы» 146. Чем отличаются подобные люди от людей последних времен, которые, по

слову тайнозрителя, будут «хулить Бога небесного», призывающего их «раскаяться в делах своих» (Откр. 16, 9–11)?

Если люди так дерзновенно попрали все заповеди ветхозаветные, Моисеевы, данные жестокосердому Израилю, то могут ли они исполнить заповеди Христовы, высшие? Если они нарушают непрестанно заповедь: «Не убий» (Исх. 20:13), то как исполнят заповедь Христову, чтобы не иметь совершенно и в сердце гнева на ближнего, не произносить о нем укоризненных слов? Если они считают за ничто нарушать заповедь о целомудрии самым делом, то как могут соблюсти заповедь Христову о том, чтобы избегать прелюбодеяния посредством взоров и даже мысленного? Если они постоянно крадут и грабят чужое, то могут ли отдавать безропотно свое обидчику? Если не считают гнусною клевету, то как будут благословлять даже врагов своих (Мф. 5, 21–44)?

Итак, великую нужду в покаянии пред Богом имеет современный мир, так как многие совершенно уже отреклись от Христа или, называясь именем христиан, чтут Христа одними устами, а не от искреннего сердца. Конечно, многие скажут, что они далеки от изображенного выше попрания заповедей Божиих, но ведь многие ли неповинны в том, что они совершенно не восприняли тех противных Христу настроений и идей, которые создали вышеозначенные беспорядки в общественной жизни? Посему: «Скорее с покаянием к Богу! – скажем словами одного современного известного проповедника отца Иоанна Кронштадтского 147. – Скорее к твердому и непоколебимому пристанищу веры и Церкви!» Не дадим, братие, совершенно угаснуть в сердце нашем ослабевшей вере во Христа и любви к Нему, преданности уставам святой Церкви Его! Не дадим увеличиться ожесточению сердец наших! Убоимся суда Божия, знамения которого слишком явные даны нам и в бедствиях нашего отечества! Потщимся избежать участи вспоминаемого ныне в песнопениях церковных богача, по причине сластолюбия и чрезмерной привязанности к утехам земной жизни лишившегося возлечения на лоне Авраамовом, обещанного праведникам, над чем легкомысленно смеются многие люди и теперь, во время своей «более сластолюбивой, нежели боголюбивой», земной жизни (2Тим. 3, 4).

Священномученик Фаддей (Успенский),
архиепископ Тверской

По отеческому пониманию, под именем христианского аскетизма, в самом кратком определении его, разумеется «совершеннейшее христианство». В этом понятии аскетизма дается основа для выяснения, во 1-х, отношения христианского подвижничества к христианству вообще и, во 2-х, его специальной, чисто аскетической, особенности. Мысль об отношении аскетизма к христианству вообще заключается в слове «христианство». Выражается это отношение в тождестве или совпадении аскетического идеала с общехристианским идеалом святости. Действительность этого совпадения ясно подтверждается словом Божиим и отеческими творениями. Согласно слову Божию, к идеалу святости, как к единению человека с Богом, должны стремиться все без исключения. Призыв Господа к совершенству по подобию совершенства Отца небесного (Мф. 5:48) одинаково относится ко всем и во всяком случае не полагает никакого различия между христианами вообще и христианскими аскетами в частности. Святые подвижники, рассматривая аскетизм со стороны идеала, сущность его полагают в том же, в чем кроется сущность христианства вообще, т. е. в «подражании Божескому естеству», или в «возведении человека» в древнее благополучие (Св. Григорий Нисский 7, 217 стр. М. 1865). Мысль о специальной особенности аскетизма заключается в эпитете, прилагаемом к аскетизму, как «совершеннейшему христианству». Называя аскетизм «совершеннейшим христианством», эпитет «совершеннейшее» подвижники не прилагали к самому содержанию христианства. Ведь согласиться с противным, значило-бы допустить, что они божественное мерили степенями сравнения. Но это совершенно не оправдывается их взглядом на богооткровенную религию, как на дар Божий, одинаково ценный не только в общем, но и частностях и в обоих случаях обязательный. Эпитет «совершеннейшее» они относили к человеку, как осуществителю христианской истины. При таком условии получается первое данное для определения особенности христианского аскетизма. Оно решает вопрос: где нужно искать особенность христианского аскетизма? и решает в том смысле, что особенность христианского аскетизма следует искать в осуществлении христианства человеком. Имея такое значение, это положение тем не менее не служит ключом к полному решению вопроса о специальной особенности аскетизма: оно очень обще и им одним ограничиться никак нельзя. Здесь рождается недоумение: почему люди – осуществители христианства не все аскеты? Такое недоумение устраняется обращением внимания на образ осуществления христианства людьми, – на то, как в осуществлении христианства участвует человек с двумя частями его существа, т. е. с душой и телом. Здесь дается второе положение для оттенения специальной особенности аскетизма. Кто участвует здесь, на земле, в осуществлении христианства душой и в законных (позволенных) пределах телом,

АСКЕТИЗМ

ПРОФЕССОР ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ПОНОМАРЁВ

тот должен быть назван лишь христианином. Кто же в осуществлении христианства здесь, на земле, участвует только душой, но отстраняется, кроме пищи, все, касающееся тела, даже благословенное или освященное Христом, отнюдь только не осуждая последнее, тот является христианином-аскетом. Христианин вообще при возгревании в себе духовных даров без опасения очернить свой путь может иметь собственность, согласно заповедям Христа пользуясь ей, или вступить законно в брак, конечно, в том и другом случае более всего удовлетворяя требованиям тела, чем духа. Но христианин-аскет, если при горении духом вступит в брак или станет иметь собственность, дав таким образом известную значимость телу, от удовлетворения потребностей ко его, кроме пищи, он отказался по обету, то обесмыслит свой путь. Он, по выражению св. Василия Великого, «подобен будет коже рыси, у которой шерсть не совершенно бела и не вовсе черна, но испещрена смесью разных цветов и не причисляется ни к черным, ни к белым» (Слово о подвижнич. 2-е). Несомненно, что жизнь на началах одного духа, при подавлении потребностей тела, кроме самой необходимой пищи, бывает более напряженной, чем при удовлетворении даже благословенных или освященных Христом потребностей. Несомненно также, что такое состояние у человека является продуктом его пламенного стремления ко спасению. Поэтому естественно, подвижничество характеризуется не просто как совершенное христианство, но как совершеннейшее христианство, не просто как стремление человека ко спасению, но как его ревность пребывать в Деятельном (путем нестяжательности, постничества, девства) общении с Богом, и самые подвижники называются не просто как избранные, но как, «избраннейшие из избранных» (Климент Александрийский – «Какой богач спасется» § 36). (Некоторую параллель такому отношению человека к христианству составляет ветхозаветное отношение Бога к человечеству. Назирая за всем человечеством, т. е. за язычниками и евреями, Бог для язычников был просто Богом-Промыслителем, а для евреев не только Богом-Промыслителем, но и Богом-Ревнителем). Это – третье и вместе последнее положение касательно особенности аскетизма. Сводя весь этот ряд мыслей к единству, мы получаем понятие, что особенность христианского аскетизма заключается в жизни человека на началах одного духа, с отвержением страстей и устранением всего того, что при зависимости от здравого выбора человека ближе всего касается его тела, дабы лицо, «могущее вместить» такую жизнь, тем достигало «древнего благополучия», – восстановления целого человека с его душой и телом. Эта особенность есть принцип аскетизма, и, как таковой, он естественно проходит через всю жизнь

подвижничества и определяет те или другие состояния его. Наглядное значение указанного принципа ясно открывается из рассмотрения состояний борьбы, самоотвержения и самого процесса аскетизма.

Ревностная борьба с ее отрицанием чего-нибудь и стремлением к чему-нибудь – вот слово, более или менее удачно охватывающее сущность аскетизма. Но известно, что именем борьбы характеризуется и христианство вообще: не христиане-аскеты только борцы, но и все христиане. Тем не менее, борьба в положении христианина вообще и борьба в положении христианина-аскета разнятся между собой по степени напряженности и постоянства (интенсивности). Христианин вообще является постоянным борцом только против страстей души, но не всегда против страстей тела. Христианин же аскет – постоянный борец против страстей души и тела. Как, например, христианин вообще и христианин-аскет относятся к тому, что мыслится в понятии «похоти плоти» (concupiscentia carnis)? Христианин вообще – безусловно не всегда находится по отношению к похоти плоти в положении борьбы: в брачном состоянии он может освобождаться от этой страсти путем простого погашения ее через известное удовлетворение. Борьба здесь очевидно превращается в простое освобождение или заменяется им. Но христианин-аскет не может без очернения своего пути допускать погашения похоти плоти через освобождение. Ему нужна борьба и борьба постоянная и, следовательно, напряженная. Такой путь, конечно, есть путь постоянного владычества человека над самим собой. Отсюда он называется царским путем. Он не легкий. Поэтому не без основания сказано, что его может вместить только «могий» (Мф. 19:12). Кто же не может, тому, по Апостолу, лучше жениться, нежели раздражаться (1Кор. 7:9). Ревностная постоянная борьба не бы-

вадет без самоотвержения, но сопровождается им. Правда, самоотвержение свойственно и христианину вообще; однако, принцип аскетизма проводит оттенки в самоотвержении, как добродетели христианской вообще и аскетической в частности. Христианин вообще, пребывая в самоотвержении и направляя его на страсти, все-таки в некоторой мере может сохранять за собою ту сторону жизни, которая ближе всего касается тела, например, может иметь собственность. Самоотвержение же христианина-аскета является не только отвержением страстей, но и всех, относящихся ближе всего к телу, за исключением пищи, условий настоящей земной жизни: он отказывается и от стремления жить в плотских похотях и от пользования в законной (дозволенной) мере собственностью. Зависимость аскета от земли выражается только в том, что тело его пребывает на земле, да весьма умеренно он удовлетворяет самой необходимой потребности пищи, дух же его витает на небе. Удачно, поэтому, наименование аскетов «земными ангелами». Естественно, с точки зрения общего принципа аскетизма, как жизни на началах одного духа, объясняется, наконец, самый процесс аскетизма с его двумя сторонами: трудничеством и духовным субботствованием. Тело есть составная часть человека и об удовлетворении себя оно заявляет скорее и ближе всего. Подвижник, строящий жизнь на началах одного духа, понятно, прежде всего, должен считаться с телом и до тех пор, пока в значительной степени не обуздает тела, он не может сравнительно свободно предаваться совершенному умному молитвенному деланию. По образному выражению аввы Исаии (Добротолубие т. I, 303, стр. М. 1895), сперва нужно взять Лию – образ телесных трудов (трудничество), потом же берется Рахиль – образ истинного созерцания (духовное субботствование). Отрицательная сторона этого требования сказывается на подвижнике тем, что во время трудничества он более (но не исключительно) согрешает похотью тела, а во время духовного субботствования более – пожеланиями духа. Слостолюбие, например, более волнует аскета-начинателя, гордыня же более за-

стигает подвижника, достигшего на своем пути известной степени совершенства.

Трудничество есть совокупность подвигов. В частности в понятие трудничества входят – прежде всего воздержание, нестяжательность, девство и удаление от лукавых обычаев мира; затем памятования с их группами: о Боге, как любви, красоте, творце... о человеке, как творении Божию, и его скоротечной жизни, о мире и диаволе с его кознями; наконец – подчинение старцу-руководителю, как внешнему стражу и поверителю духовной жизни аскета. Этот третий вид трудничества предназначен для отвращения возможностей подвижника впасть в самообольщение, от чего он не бывает свободным при первых двух видах трудничества, потому что там он представляется больше самому себе. Духовное субботствование есть состояние нравственной свободы с его бесстрашием, истинным созерцанием Бога и действительной любовью к Богу и ближним. Оно – цель трудничества, но цель не такая, чтобы за трудничеством обязательно следовало духовное субботствование. Трудничество, как свидетельство стремления человека к спасению, нужно, но оно само по себе не может приводить человека к нравственной свободе. Ведь, юродивые девы всю жизнь пребывали в девстве, тем не менее они не были впущены в духовный чертог царствия. Почему? Потому что не имели в сосудах сердца своего елеса духовного (Макарий Великий). Упражнение, как один только внешний поступок, не сопровождается оправданием человека. Но оправдание совершается, при искреннем трудничестве, освящающей благодатью Святого Духа.

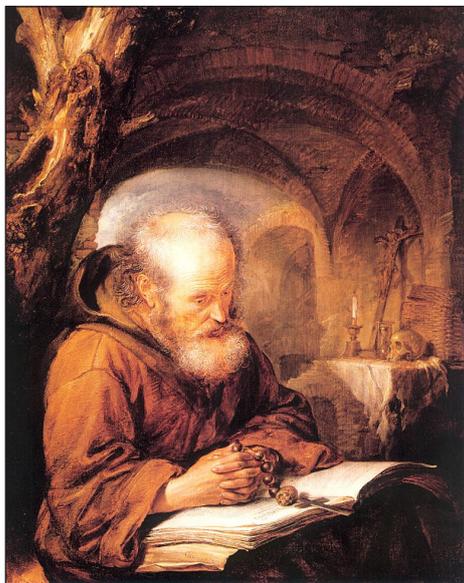
Будучи личной жизнью человека, аскетизм содержит в себе и служение обществу. Уже нестяжательность аскетов естественно сопровождается благотворительностью в обществе. Все истинные аскеты, вступая и проходя путь подвижничества, действительно всегда отдавали своё имущество и заработки в пользу ближних. Но основная форма человеколюбия аскетического все-таки духовная: сочувствие и нравственное руководство. Аскеты – это светочи во мраке невежества, это – светильники, горящие во тьме. Образ истинного аскета есть образ величайшей нравственной силы, могущей возрождать человечество. Форма эта непосредственно вытекает из понятия об аскетизме, как духовной жизни человека с ее сторонами – отрицательной и положительной. Когда подвижник вникает в себя самого, нисходит в глубины своего духа, роется там, ища начал, препятствующих его нравственному преуспеянию, когда, следовательно, он имеет дело собственно с «ветхим» человеком, тогда ему очевидным становится положение, что наличное состояние человека есть состояние рабства страстям. Нет такой минуты, когда бы они оставили его в покое. Естественным следствием такой работы бывает истолкование чувства страдания. Испытывая же такое состояние, подвижник, в силу единства природы с другими людьми, вместе понимает духовное со-

стояние и этих других людей. И если его собственное состояние души сопровождается в нем чувством страдания, то живое понимание рабского душевного состояния ближних вызывает сострадание к ним или, что тоже, усиленное страдание, когда аскет оплакивает не только свои грехи, но и грехи других людей. Глубоким участливым отношением к людям проникается подвижник и тогда, когда он усваивает благодатные чувства, когда он, следовательно, вступает жизненно в состояние «нового» человека. Естественным следствием такого состояния бывает радость. Но радость эта, опять-таки, в силу единства природы людей, не бывает радостью одного аскета: он, переживая это чувство, легко заключает в нем всех людей, потому что все они Божии. Подвижник в это время уподобляется незлобивому младенцу. Переплетаясь между собой в настроении, сострадание и сорадование выражаются в чувстве сострадательной любви к человечеству. Сила этой любви прямо зависит от силы пламенного стремления к личному усовершенствованию: чем подвижник менее трудится на пути аскетизма, тем он слабее понимает живую душу людей; чем, напротив, он более углубляется в свой дух для возделывания себя подобным Богу, тем большего напряжения достигает его сострадательная любовь. В таком глубоко-психологическом отношении к человечеству кроется источник теплоты аскетических бесед, писем, также объяснение, почему аскеты сильны не столько словом, сколько делом, не столько сухими рассуждениями о нравственности, сколько воплощением этой нравственности в самой жизни, почему, наконец, высшее обнаружение сострадательной любви обыкновенно встречается у подвижников, достигших на своем пути известной нравственной устойчивости (ап. Павел, Антоний Великий...).

Конечная цель аскетизма есть обожествление человека по подобию того обожествления, какого достигло человечество в Лице Иисуса Христа. Παρθενία – девство ведет к παρθεϊα – обожествлению (еп. Мефод. патар. – «О девстве»).

Весь процесс христианского аскетизма на языке нравственной типики обыкновенно мыслится под образом странствования евреев из Египта в землю обетованную. Те или другие случаи из жизни еврейского народа за этот период обыкновенно полагаются в прототип тех или других состояний подвижника. Так египетское рабство берется в образ рабства человека страстям, выход евреев из Египта и вступление в пустыню знаменует решимость и вступление человека на путь подвижничества, нападение Амалика и ропоты евреев являются образами обуревания аскета унынием и искушениями, Моисей – прототип старца-руководителя, сношение евреев с иноплеменными народами – образ участия аскета в общественном благе и вступление в землю обетованную – образ духовного субботствования подвижника.

Продолжение в следующем номере

Расписание богослужений с 15 по 21 апреля 2019 г.		
15 апреля Понедельник	Прп. Тита чудотворца	
16 апреля Вторник	Иконы Божией Матери «Неувядаемый Цвет»	
17 апреля Среда	Иконы Божией Матери, именуемой «Избавительница»	8:30 Утреня. Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Александр/</i>
18 апреля Четверг	Мчч. Феодула и Агафопода, и иже с ними	
19 апреля Пятница	Свт. Евтихия, архиеп. Константинопольского	8:30 Утреня. Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с литургией Преждеосвященных Даров. <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Утреня. 1 час <i>/иерей Андрей/</i>
20 апреля Суббота	ВОСКРЕШЕНИЕ ПРАВ. ЛАЗАРЯ	8:30 Часы. Исповедь. Литургия свт. Иоанна Златоуста. <i>/все священнослужители/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
21 апреля Воскресенье	НЕДЕЛЯ ВАИЙ, ЦВЕТОНОСНАЯ, ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста <i>/все священнослужители/</i>

НАША ПОЛЬЗА ОТ ОБЩЕНИЯ С ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ ИЗ ПАТЕРИКА

Авва Палладий сказал: «Человек, который подвизается о Господе, должен или ревностно учиться тому, чего он не знает, или мудро учить тому, что он знает. А если он не желает делать ни того, ни другого, то он безумец. Ибо начало падения — в отказе учить и нежелании учиться тому, чего всегда жаждет боголюбивая душа».

Брат спросил старца: — Авва, я спрашиваю старцев, они дают мне советы о моей душе, а я никогда не слушаю их слов. Так зачем мне их спрашивать, если я ничего не делаю? Я ведь так и остаюсь весь в пороках.

А рядом было два легких кувшина.

— Иди, возьми один кувшин, — говорит старец, — налей в него масло, ополосни, переверни и поставь на место.

Брат сделал так раз, а потом еще раз. Затем вылил масло и поставил кувшин туда, где он стоял.

— А теперь, — велел ему старец, — принеси оба кувшина и посмотри, какой из них чище.

— Тот, — сказал брат, — в который я наливал масло.

— Вот так и душа, — отвечал старец. — Даже если она ничего не усвоит из того, что спросила (хотя я так не думаю), но все же она чище, чем та, что вообще не спрашивала.

Авва Палладий сказал: «Нужно стремиться к общению с духовными людьми сильней, чем к отдушине, дающей

свет. С их помощью можно прочесть свое сердце, словно разборчиво написанную книгу. А в сравнении с ними становится видно собственное небрежение или усердие. И даже внешне в добродетельных людях есть много такого, что говорит о чистоте их души. Это и цвет лица, просвещенного святостью жизни, и манера одеваться, и простота нрава, и скромность в речах, и здравость суждений, и сдержанность в обращении. На все это полезно обратить внимание, чтобы запечатлеть в собственном сердце сам образ добродетели».

Кавве Иоанну Колову однажды поздно вечером пришел брат и спешил уже уходить — но они со старцем начали беседовать о духовной пользе и не заметили, как наступило утро. Старец вышел проводить его, и они продолжали беседовать до шестого часа. Тогда старец вновь завел его к себе в келию. Тот поел и затем пошел.

Авва Кассиан рассказывал об одном старце, который жил в пустыне. Тот молил Бога дать ему дар никогда не дремать во время духовной беседы и, наоборот, если беседа переходила в осуждение или празднословие, сразу засыпать, чтобы весь этот яд не отравлял его слух. И Бог дал ему то, что он просил. Так вот, этот старец говорил, что диавол — поборник всякого празднословия и враг любого духовного поучения. А в подтверждение своих слов он рассказывал один пример:

— Однажды, когда я с несколькими братьями беседовал о духовной пользе, их охватила такая сонливость, что они даже век не могли разлепить. Тогда я решил воочию всем показать, что это — действие диавола, и перешел к какому-то пустому предмету. Они сразу проснулись

и оживились. Тут я, вздохнув, сказал:

— Смотрите, братья, пока мы беседовали о небесном, у вас всех от сна спалились глаза. А как только зашла речь о пустом, все вы без труда проснулись. Прошу вас, братья, познайте действие бесов, следите за собой и бойтесь дремать, когда слушаете или делаете что-либо духовное.

Однажды авва Пимен, когда еще он был молодым, пошел к одному старцу спросить его о трех помыслах. Но когда он пришел к старцу, то один помысел забыл и спросил только о двух других. Выслушав ответ, он снова вернулся в свою келию. И когда он взялся уже за ключ — вспомнил тот помысел, который забыл. Тогда он оставил ключ и пошел назад к старцу.

— Быстро ты вернулся, брат, — сказал старец, когда увидел его.

— Я уже взялся было за ключ, — ответил ему тот, — как вспомнил тот помысел, о котором хотел спросить. Поэтому я не стал открывать дверь, а сразу пошел назад.

А путь был довольно длинным. Старец и говорит ему:

— Пимен — пастырь ангелов, и имя твое прославится по всему Египту.

Трое Отцов по обычаю каждый год приходили к блаженному Антонию. Причем двое из них спрашивали о помыслах и о спасении души, а один всегда молчал и ничего не спрашивал. Так они приходили неоднократно, и этот брат всегда молчал и ничего не спрашивал. Авва Антоний говорит ему:

— Ты сюда столько времени ходишь, что же ты меня ни о чем не спрашиваешь?

— Мне достаточно и того, что я тебя вижу, — ответил ему брат.

Преп. Никодим Святогорец. Благолюбие